

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени проведения нашей экспедиции на север Германии прошло восемь лет. Это немалый срок, чтобы осмыслить увиденное, обработать полученные материалы, структурировать собранное и записанное. Это немалый срок и в плане человеческой жизни. К большому сожалению, за время подготовки книги ушел из жизни вдохновитель и организатор экспедиции, выдающийся ученый и необыкновенный человек Александр Сергеевич Мыльников. Завершать работу над коллективным трудом пришлось нам, автору данных строк и ученице Александра Сергеевича Юлии Ивановой-Бучатской.

При работе над книгой нам приходилось уже ориентироваться на собственное понимание результатов экспедиции, и, к сожалению, мы не могли больше обратиться за советом, дружеским пожеланием к Александру Сергеевичу или просто спросить его мнения. Признаюсь, это было очень тяжело.

Еще в процессе подготовки нашей экспедиции мы договорились о научном сотрудничестве с блестящим этнографом, специалистом высочайшего класса в области славянской этнологии и народного христианства Татьяной Александровной Бернштам. Татьяна Александровна любезно согласилась быть редактором нашего коллективного труда. Все, кому посчастливилось знать ее в этом качестве, понимают, что лучшего научного редактора любого труда на тему славянской и европейской этнографии найти попросту нельзя. Так уж сложилось, что работа над монографией затягивалась, ушел из жизни А.С. Мыльников. Однако Татьяна Александровна не переставала интересоваться работой над отчетным трудом нашей экспедиции, всегда спрашивала о том, как продвигается работа. В итоге большущая рукопись была ей доставлена. Она приступила к ее редактированию. Высказала очень много суждений по поводу того, как надо улучшить или исправить то или иное. К большому горю, вскоре и Татьяны Александровны не стало. Так уж сложилось, что редактирование нашей монографии стало ее последней научной работой.

Очень печально было забирать из квартиры Т.А. Бернштам нашу рукопись, так щедро снабженную пометками и исправлениями. Сестра Татьяны Александровны, Ольга Михайловна Фишман, отдала аккуратно сложенную в папку с завязками рукопись, сказав: «Таня как всегда, что касалось науки, все сделала и оставила в безупречном виде».

Татьяна Александровна была смертельно больна, однако тратила свои силы и энергию на чтение большой рукописи, высказывала Юлии Ивановой-Бучатской свои идеи по поводу книги по телефону. Получив отредактированный вариант, я удивился обилию красных помет (нужно признать, что все рукописи она возвращала именно в таком виде. А потом, увидев недоуменный взгляд, говорила: «Что Вас пугает? У Вас хорошая статья. Ее надо просто немного улучшить»). В нашей монографии она исправляла в основном теоретические построения, оставляя изложение самого полевого материала практически нетронутым. Т.А. Бернштам считала, что фактологический материал, собранный в поле, непотопляем. Его интерпретация может вызвать критику и сомнения, а сам материал, донесенный до читателя, лишь заставляет работать мысль и дает неисчерпаемую возможность для научного поиска.

У монографии, как мы видим, была нелегкая издательская судьба.

Идея написания книги родилась непосредственно после проведения экспедиции в Ябельхайде и Ганноверский Вендланд. Долгий подготовительный этап, изучение архивов, систематизация источников, анализ полученных данных предварили поездку на север Германии. Нам предстояло изучать места прежнего расселения славян на правом и левом берегах Эльбы. Еще до самой экспедиции мы думали написать серию статей. Казалось, что собранный материал хорошо можно будет увязать с научными интересами каждого из участников проекта. А.С. Мыльников давно занимался вопросами этнической памяти и разработкой теории имагологии в сфере этнологии. Меня интересовали вопросы сохранения традиционных ремесел и промыслов в условиях усиления интеграционных процессов в Европе и наступления глобализации. Равно мне были интересны и моменты, связанные с сохранением, бытованием и развитием традиционного костюма в новых условиях в регионе. Ю.В. Иванова избрала для себя тему региональных особенностей крестьянского дома и славянских рудиментов в календарной обрядности.

Обоснований экспедиции было написано так много и для стольких инстанций, что для знакомства со всей научно-организационной кухней необходимо было бы написать обширную главу. Целью экспедиции было изучение территории расселения полабских славян на севере Германии. Экспедицию в этот регион отправлять было необходимо. Полевые исследования к 2000 г. здесь не проводились уже практически полвека. Следов славян здесь не искали с 1950-х годов. Хотя этнографический, этнолингвистический, археологический и прочий материал, по предварительным наблюдениям, лежал буквально на поверхности.

С самого начала мы определились с методикой проведения экспедиции. Основой работы должны были стать интервью с крестьянами — хранителями традиций в регионе. Мыслилось, что, приходя в дом, мы будем за-

давать вопросы по интересующим нас темам. Все так и происходило, как показывают представленные в книге материалы. Однако было одно важное НО — богатейший пласт материалов, которые трудно было отнести к одной из выбранных исследовательских тем. Жизнь людей многообразна. И никогда ни один исследователь не может заранее знать, какой материал ему удастся записать. Мы можем предполагать, догадываться, прогнозировать возможность получения тех или иных данных, но жизнь посылает нам подарки в виде находок, материалов и сведений, которые зачастую трудно переоценить. В Германии мы столкнулись с совершенно необъятным пластом сведений на самые разные темы. То, что наши немецкие коллеги были не очень уверены в самой возможности проведения полевой работы в Германии, понятно. «Как можно планировать экспедицию в Германию? Ведь немцы — это не папуасы. Их нельзя изучать как туземцев», — слышали мы возражения. Оказалось, что работать в поле в Германии не только нужно, но и можно, даже с большим успехом. Немцы дружелюбны, открыты, гостеприимны и готовы — самое важное — отвечать на вопросы ученых практически по всем темам.

Главная особенность специфики полевой работы в Германии — необходимость установления контакта с информантом еще до прихода в его дом. Вам необязательно знакомиться с ним заранее визуально. Достаточно быть рекомендованным. Желательно, чтобы рекомендация исходила от авторитетного лица (пастор или бургомистр очень подходят для таких целей). И у вас уже не будет проблем при работе с листами-опросниками, анкетами, расспросами на самые неожиданные темы.

С первого дня работы в немецких деревнях и городах стало ясно, что массив материала, который выплывает при нашей работе, явно перекрывает те темы, которыми мы изначально ограничили круг своих научных изысканий. В этих условиях пришлось менять тактику. Александр Сергеевич стал подробнейшим образом расспрашивать немецких информантов о праздниках и традициях, сохраняющихся в той или иной местности. Стало совершенно очевидным, что нам важен не только пласт славянской культуры (дошедшей до нашего времени или не сохранившейся в силу разных причин). Жизнь и быт людей, к которым мы приходили домой или которых мы встречали в кирхе или на сельском празднике, для научного исследования важны не в меньшей степени.

Юлия Валерьевна то и дело натыкалась на рассказы о знахарях и магических практиках и, само собой разумеется, стала собирать подобные сведения, а также представления о знающих людях в самых широких слоях немецкого общества. Иногда удавалось пообщаться с практикующими знахарями. Мы видели воочию, как люди, разъезжающие на «Мерседесах», работающие на компьютерах, сверяющие свои бумаги и документы с данными

в Интернете, вдруг начинали шептать заклинания и рассказывать, как с них снимали порчу или недомогание. Естественно, здесь приходилось перекалифицироваться в плане научных интересов и с упоением фиксировать новый полевой материал.

Традиционная тема народного жилища и местной архитектуры также приобретала новые ракурсы. Экспедиция давала шансы взглянуть по-новому не только на крыши из камыша или черепицы, на использование традиционного двора-сеней и т. п. важные для этнографии вещи. Неожиданным образом всплывали кажущиеся прежде второстепенными вопросы выбора цвета кафеля для ванной комнаты или набора необходимых предметов интерьера для обустройства гостиной. Имеет ли все это связь со славянской традицией или с младшей демонологией? Как трактовать тот факт, что в первом же немецком доме, в котором нам довелось работать, скатерть украшали славянские, конкретнее белорусские, орнаменты, а хозяева весьма верноподданно рассказывали о семье герцогов Мекленбургских («бывших наших правителей»)?

Как я мог обойти вниманием использование восточных ковров ручной работы в украшении интерьера и сосредоточиться только на немецких вышивках и кружеве? И стоило ли изучать традиционные для Вендланда чепцы и не обращать внимания на предпочтения в выборе тканей для занавесок и обивки современных диванов? А как поступить с особенностями национального этикета? Ведь задачи ученого, исследующего определенный регион, заключаются не только в сборе крупиц, способных пролить свет на тонкости этнопсихологии (какое мудреное слово!), но и в попытке хотя бы приблизительно описать, что и почему влияет, например, на выбор росписи фарфора и особенности дизайна столовых приборов. Не буду говорить сейчас о сложнейшем комплексе поведенческих установок и стереотипов. При всем разнообразии литературы о Германии я так и не видел ни у нас в отечестве, ни за рубежом книги об особенностях этноэтикета. (Признаюсь, разве только маленькую брошюрку, склонную скорее к иронии, чем к предложению советов.) А ведь не нужно быть знатоком галантных манер и особенностей стиля, чтобы увидеть, что немцы ведут себя совершенно по-особенному и во время представления, и во время приема гостей, и в часы досуга. Это неисчерпаемый клад для специалистов!

В ходе работы экспедиции мы приняли решение фиксировать буквально весь материал, относящийся к жизни изучаемого региона. Мы не вторгались в область археологии и другие сферы, требующие специальной профессиональной подготовки. Но археологические данные, которые лежали на поверхности и непосредственно касались наших задач, мы пытались аккуратно фиксировать.

Схема нашей работы была следующей. Мы приходили в дома к информантам. Знакомились. А далее озвучивали определенный набор вопросов, который помогал сориентироваться в том, на что нужно сделать акцент в работе с данным информантом. Разумеется, не следовало спрашивать убежденную сединою хозяйку городского дома о тонкостях ремесла кузнецов в прошлом, а юного студента — об излюбленных мотивах ришелье в рукоделии мекленбургских женщин (хотя опыт полевой работы говорит о самых невероятных возможностях и случайных попаданиях при сборе фактов). Тем не менее вопросы были строго направлены на выявление компетенции того или иного информанта. А затем нить разговора — свободной беседы — позволяла получить определенную информацию, которой обладал наш собеседник.

Так уж вышло, что самым распространенным был следующий сценарий интервью. Александр Сергеевич представлял нашу экспедицию и ее участников. Далее следовали традиционные вопросы, касающиеся славянского прошлого этих мест, а затем — широкий круг вопросов, призванных осветить тему традиционной культуры и ее составляющих. Юлия Валерьевна обычно подхватывала разговор и уводила его в сторону своих научных интересов, широта которых увеличивалась по мере работы экспедиции. Я тем временем фиксировал особенности жилого дома, предметы быта, обстановку, наличие предметов традиционной культуры, предметы искусства, предпочтения хозяев в плане украшений, домашней одежды, приема гостей и т.д. Порой приходилось вести многочасовые беседы. За это время я успевал буквально переписать все видимое имущество наших собеседников. Это позволило мне впоследствии шутить, что я могу работать в федеральной налоговой службе Германии — вряд ли кто еще так хорошо знает, сколько в каком доме хрустальных ваз и резных дубовых горок с фарфоровыми статуэтками. Шутки шутками, но проводимая практически в каждом доме работа по фиксации культуры быта и устройства жизненного пространства помогла создать удивительно подробную картину жизни немецкого крестьянства на рубеже XX–XXI вв. Этнография повседневного быта, которую мы пытаемся воссоздать в музеях, опять методически страдает. В поисках прошлого мы зачастую забываем о настоящем. И вместе с настоящим безвозвратно уходит часть истории, которую будет просто невозможно восстановить.

В конце беседы с информантами мы переходили обычно на вопросы по поводу сохранения традиционных ремесел и промыслов, о бытовании народной одежды, ее праздничных вариантах. Зачастую случалось так, что в домах некоторых информантов эти темы становились основными с самого начала. Убежденные ценители старины пытались сохранять в своих домах предметы старинной утвари, бабушкины наряды, мебель ремесленного производства и т.д. А некоторые пытались и пытаются создавать костюмы

и объекты украшения интерьера, используя в качестве образца вещи из бабушкиного сундука или чулана. В таких случаях сами информанты становились ведущими интервью. Их не надо было упрашивать отвечать на вопросы. Они охотно делились знаниями и показывали то, что хранилось у них в домах.

Записи велись на разных носителях. Как правило, мы одновременно делали пометки в полевых дневниках. Практически все разговоры с информантами записывались на магнитофонную ленту. Наиболее интересные информанты, объекты, предметы быта, жилище и т.д. фиксировались на фотопленку. Интересные сюжеты снимались на видеокамеру. Все это позволило создать необычайно большой и богатый по диапазону корпус полевых материалов.

Особое место среди материалов экспедиции заняли предметы традиционной культуры Мекленбурга и Ганноверского Вендланда, которые нам удалось получить в дар для Кунсткамеры. Это совершенно уникальная и удивительная история, которая стоит отдельного рассказа. Когда мы только собирались осуществлять наши полевые исследования и еще только заявляли наши планы, находилось немало скептиков, сомневающихся в успехе проекта. Однако работа в поле, знакомство с самыми разными людьми, беседы с крестьянами, поездки к чиновникам различного уровня, поддержание связей с немецкой прессой позволили не только записать на аудио- и запечатлеть на фото- и видеопленку обширный полевой материал, но и настолько войти в доверие к местным людям и заставить их поверить в высокие цели и задачи нашей экспедиции, что мы смогли получить в дар от жителей деревень региона многочисленные предметы традиционного быта, относящиеся к XIX–XX столетиям. Самому старому предмету, нижней женской рубахе с монограммой владелицы, уже более 170 лет.

Однако дело не в том, сколько раритетов смогла добыть экспедиция для европейских коллекций МАЭ РАН. Основное достижение совместной Первой Российско-германской экспедиции заключается в установлении доверительных, дружеских отношений с людьми, которые как раз и представляют объект исследования, ведь именно люди изучаемого региона — носители знаний и представлений о славянском прошлом Вендланда и Ябельхайде. Важно то, что в ходе экспедиции отношения информант–исследователь складывались в человеческом ключе. Нам удалось донести до наших информантов важность миссии экспедиции (очень хочу, но порой не могу избежать высокопарности). Было трогательно наблюдать, как люди, возможно, никогда не слышавшие прежде о Готторпском глобусе, но выслушавшие практически лекцию профессора Мыльникова об истории сего чуда, начинали понимать, что старейшему российскому музею просто необходимо помочь в собирании предметов традиционной культуры Северной Германии,

так как это не просто обогатит фонды музейного собрания (важность этого и так становилась для них очевидной), но и поможет донести для потомков те предметы, которые характеризуют жизнь людей, близких им, в настоящем или которые бытовали в эпоху их бабушек и прабабушек.

В итоге нами было собрано двадцать разнообразных по тематике предметов традиционной культуры, которые вошли в собрание МАЭ РАН. Среди привезенного из экспедиции была стопка полевых дневников, 23 аудиокассеты, 10 видеокассет, 600 фотографий. Все это научное богатство было обработано и стало частью фондов музея. Я уже не говорю об огромном количестве книг, брошюр, альбомов, монографий и рукописей, изданных на немецком языке и нижненемецком диалекте и имеющих непосредственное отношение к теме исследования. Ко всему этому стоит прибавить сотни страниц копированных архивов, материалов краеведов, документов самых разных эпох. Огромный архив экспедиции, собранный отделом европеистики МАЭ, стал по-настоящему уникальным. Его обработка заняла много лет — в целом аж восемь! И не все, понятно, стало предметом детального изучения в силу ограниченности времени.

После возвращения из Германии в ноябре 2000 г. мы приняли решение писать не просто серию статей и публиковать материалы полевых изысканий в немецких и российских изданиях, а готовить коллективную монографию. Темы интересов были распределены еще задолго до самой поездки. Однако оказалось, что материал значительно обширнее, чем мы могли предполагать. Поэтому круг тем для написания статей был существенным образом расширен.

Мы приступили к работе. Но спустя около года после завершения экспедиции Александр Сергеевич Мыльников предложил коренным образом изменить суть коллективной монографии и опубликовать непосредственно полевые материалы. Наше видение процессов в Мекленбурге и Ганноверском Вендланде — результат научных изысканий и анализа полевых материалов — может быть всегда поставлен под сомнение разными узкими специалистами. Не всегда можно учесть интересы и подходы археологов, не полностью можно познакомиться с данными исторических архивов, собраниями краеведов и т.д. Все это в конечном итоге может поставить под сомнение целый ряд заключительных выводов и итогов в большой монографии, претендующей на комплексность охвата материалов по изучению большого региона. Свои изыскания в плане научного осмысления результатов экспедиции мы оставляем для статей и серий публикаций, а итоговую книгу делаем исключительно в виде публикации полевых материалов. И материалы эти будут всегда непотопляемыми, так как они фиксируют конкретные сведения, собранные в ходе полевой работы.

После решения опубликовать книгу такой, какой ее видит читатель, прошло более семи лет. И мы сделали все так, как запланировал еще Александр Сергеевич Мильников. Трудности, с которыми мы столкнулись, очевидны. Не только завершить работу, но и осмыслить основной массив необходимо было уже без ее вдохновителя и важнейшего соавтора. Более того, полевые записи А.С. Мильникова остались практически не обработанными. Расшифровывать полевые дневники Александра Сергеевича пришлось Юлии Валерьевне. Работа, честно скажу, не из легких, учитывая непростой почерк и сложнейшую систему помет и записей, которые были характерны для черновиков А.С. Мильникова. В значительной степени эта монография стала возможной благодаря вдохновенному труду Ю.В. Ивановой-Бучатской. Вряд ли в совместных монографиях принято благодарить научных соавторов — ведь любая коллективная монография является совместным трудом. Но в данном случае это просто необходимо сделать. Юлия Валерьевна героически справилась с трудностями подготовки этого издания.

При подготовке книги неоценимую поддержку нам оказали Игорь Иванович Верняев (заместитель декана по науке исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета) и Никита Вадимович Ушаков (заведующий лабораторией аудио-, фото- и видеоматериалов МАЭ РАН), которые сразу одобрили идею книги и поддержали мудрым советом и рекомендациями. Неоценимый вклад в идейное содержание книги внесла Татьяна Александровна Бернштам, которая не только обсуждала концепцию работы с самого начала подготовки экспедиции, но и стала научным редактором коллективной монографии.

Окрыленные поддержкой коллег и единомышленников, мы с большим энтузиазмом писали эту книгу. За время ее подготовки вышла научная монография и немало статей по теме славяно-германского культурного синтеза на севере Германии, опубликованных нами в различных изданиях как у нас в отечестве, так и за рубежом. На основе материалов экспедиции была написана и защищена кандидатская диссертация. И не только сугубо научные издания стали полигоном для освещения результатов экспедиции. Особую часть публикаций составили блоки в научно-популярных изданиях, специализирующихся на темах национального и делового этикета, истории регионов мира и археологии, путешествий и туризма. Большой интерес к нашей экспедиции проявили и петербургские газеты, и петербургское радио.

Все это напоминало обстановку в самой Германии, когда с нами с нескрываемым энтузиазмом встречались журналисты из различных изданий. «Работа на публику» не просто тешила наше тщеславие — контакты со СМИ помогли в осуществлении планов экспедиции и в решении ее задач. Освещение работы в немецких газетах открывало в буквальном смысле двери домов немецких крестьян и распахивало калитки в усадьбы аристократов.

После того как выходил очередной номер местной газеты с информацией о нашей экспедиции, количество информантов, готовых побеседовать с нами и поделиться своим прошлым и настоящим, увеличивалось многократно. (Как человек, работающий в музее, не могу не добавить, что и вещи для музея дарились более щедро.)

Сотрудничество с прессой было по своей продуктивности равнозначно связям с местными пасторами. Рекомендация местных священников давала возможность откровенно беседовать с самыми закрытыми и не склонными к разговорам по душам местными жителями.

Совершенно особым результатом работы экспедиции стали выставки, которые осуществила за последние годы Кунсткамера в плане демонстрации привезенных из разных уголков мира новых коллекций. Так, в 2001–2002 гг. на суд публики была представлена выставка «Далекое близкое. Новые европейские коллекции Кунсткамеры». На ней были продемонстрированы замечательные вещи, привезенные сотрудниками отдела европеистики МАЭ из экспедиций последних лет. Большая витрина была посвящена изысканиям в Северной Германии. Традиционные предметы народного быта и праздничной культуры Германии, оказавшейся такой незнакомой нашему соотечественнику, вызвали неподдельный интерес у публики.

В 2005–2006 гг. в рамках проекта Кунсткамеры «Экспедиции продолжают» была развернута экспозиция «Plattes Land: Символы Северной Германии», также ставшая значительным событием не только в жизни Музея антропологии и этнографии, но и в культурной жизни Петербурга. Выставка предметов традиционного быта, снабженная обширным фоторядом и короткими видеороликами, сделанными на основе экспедиционных съемок, практически на год привлекла внимание людей, не равнодушных к самобытной культуре севера Германии. Изюминкой экспозиции стала демонстрация материалов и архивов экспедиции в виде полевых дневников, записей, тетрадей и карт участников проекта.

В музейной практике редкое явление, когда привезенные этнографические экспонаты становятся предметом сразу нескольких выставочных проектов в течение буквально нескольких лет. Здесь нужно выразить сердечную благодарность руководству МАЭ РАН за поддержку и самое добросердечное участие в наших музейных начинаниях.

Видеоматериалы, отснятые в ходе экспедиции, стали первым видеоархивом МАЭ. Видеокассеты, их DVD-копии и оцифрованные сюжеты, равно как и видеопись отснятого материала, послужили примером для последующей систематизации видеоматериалов и их архивации в музейной практике не только Кунсткамеры, но и других учреждений науки и культуры.

Результаты экспедиции 2000 г. находят отражение в публикации полевых материалов. Однако значение и роль экспедиции в судьбах участников по-

левых исследований, равно как и в жизни людей, так или иначе связанных с ее проведением, оценивать пока рано. Так, совсем недавно мне пришлось быть научным руководителем экспедиции «Славянский ход 2008», которая проходила в Западной Сибири. Данный исследовательский проект является частью грандиозного по задумке плана возрождения традиционной культуры старожильческого русского населения и коренных народов обских ургов на берегах Оби и Иртыша.

Юбилейная, десятая по счету, экспедиция ставила среди прочих и задачи сохранения традиционных занятий и художественных промыслов. В этом контексте опыт работы в Германии был исключительно полезен. Ведь те подходы, которые известны в этой стране, и тот апробированный на протяжении многих лет опыт поддержки традиционных занятий, ремесел и сохранения родных говоров представляет замечательный источник и пример для подражания во многих регионах мира. Чтобы перенести этот опыт на другой регион, достаточно определить местную специфику и просчитать локальные условия. В наш век информации подобные эксперименты не должны быть чем-то невероятно сложным и пугающим. Как ни странно, именно отсутствие информации порой и тормозит прогресс в разных сферах человеческой жизни.

Во время работы в Германии нам приходилось посещать деревни, которые вошли в федеральную программу «Деревня с будущим» («Dorf mit Zukunft»). В каждой федеральной земле был выбран населенный пункт, возродить который стали на федеральном уровне. На отпущенные деньги в этих деревнях стали возводить объекты социального и культурного назначения. Деревни были включены в маршруты, рекомендованные для туристов (а в Германии, как хорошо известно, исключительно хорошо налажен местный туризм — немцы любят ездить по своей стране). Гостиницы, рестораны и кафе, построенные при поддержке федеральных и земельных властей, должны в будущем обеспечить хорошее экономическое будущее этих деревень. Важнейшей составляющей программы стало возведение объектов культуры. Возможно, они даже более значимы для возрождения деревень. Так, в деревне Глаизин (Glaisin) в Мекленбурге был создан дом творчества, в котором стали проводиться занятия по вышиванию, ткачеству, вязанию и т. д. Местные женщины с удовольствием стали посещать подобные самообъединенные кружки и учиться друг у друга тем или иным навыкам и умениям. Проведение досуга в деревне стало интересным. Более того, то, что стали изготавливать женщины деревни, они смогли продавать на ярмарках и в магазинах сувениров, которые посещают туристы из всех уголков Германии.

К вопросу сохранения традиционных ремесел и рукоделия добавились курсы по изучению местного диалекта (Plattdeutsch), который постепенно угасал под воздействием общенемецких СМИ в силу сложившихся стерео-

типов и приоритетов современной жизни. Однако вместе с осознанием ценности собственной локальной культуры в области традиций, обычаев, навыков и промыслов пришло и осмысление роли родного языка. Чтобы сохранить будущее своей деревни, необходимо оставить новым поколениям весь комплекс традиционно-бытовой и духовной культуры, включая язык, устное народное творчество, художественные ремесла и промыслы, установки на восприятие прекрасного и т.д. Более того, необходимо оставить для будущих поколений и созданные на диалекте литературные произведения. Ведь мало того, что их удалось издать, важно, чтобы новые поколения могли их и читать. И не только читать, но и получать удовольствие от чтения.

Во всем этом сложном комплексе сохранения культурного наследия региона важную роль играют федеральные и земельные программы. Однако немаловажный фактор — человеческий. Ведь в конечном итоге все это делается ради человека. Без заинтересованности местного населения и осознания им значимости и ценности местной культуры нельзя построить будущее в отдельно взятом населенном пункте или районе. Лишь понимание того, что сохранение традиций и культурно-исторического контекста жизни и ландшафта местности в значительной мере зависит от ее жителей, может привести к продолжению жизни села и небольшого города еще на многие поколения вперед. И тогда молодежь перестанет уезжать в большие города (главная проблема во всех регионах мира), а будущее ее малой родины будет обеспечено.

Еще один замечательный пример — существование союзов безработных женщин. В городе Дёмитц нам удалось побывать в таком союзе и посмотреть, как он работает. Эта социальная программа рассчитана на поддержку семей и одновременно на сохранение традиционных ремесел и промыслов. В общих чертах сама идея может быть охарактеризована следующим образом. Любая женщина, оставшаяся без работы, имеет право обратиться за помощью в союз. И союз предоставляет ей возможность учиться и работу сроком на один год. В течение этого года женщина осваивает в союзе навыки ткачихи, вышивальщицы, вязальщицы и т.п. За время учебы и одновременно работы она получает зарплату, примерно в два раза превышающую ее пособие по безработице (на момент проведения экспедиции эти суммы равнялись приблизительно 1000 и 500 маркам). Предметы, которые женщина изготавливает, продаются на местных и земельных ярмарках, в магазинчиках и киосках при местных музеях и информационных центрах. Деньги поступают в бюджет союза, который содержит здание, покупает оборудование и все необходимые материалы. После года учебы и работы в союзе, как предполагается, женщина осваивает ремесленные навыки и может трудиться самостоятельно, предлагая свои изделия на ярмарках и торжищах, обеспечивая себе и своей семье определенный доход, а обществу — преемственность в плане сохранения ре-

месел и рукоделия. Она должна уйти из союза, освободив тем самым место очередной безработной. Приоритетов ни у кого нет, а потому все расстанется с союзом с сожалением, но без обид. Нам была предоставлена возможность посмотреть самим, как выглядит это социальное учреждение. Понятно, что такой опыт возможен лишь в развитых и богатых странах, а также в регионах с высоким уровнем экономического развития.

Когда меня пригласили в Югру поделиться знанием европейского опыта, я с огромным энтузиазмом попытался передать то, что было увидено и зафиксировано нами на севере Германии. Ханты-Мансийский автономный округ, располагающий в достаточной степени необходимыми ресурсами, должен учитывать накопленный немецкий опыт, и в этом плане работа нашей экспедиции имеет практическую значимость и ценность. Ведь то, что пытаются сделать руководители региона и наши коллеги в сфере сохранения культурного потенциала ХМАО, имеет аналоги в изучаемом районе Мекленбурга и Ганноверского Вендланда.

Работа над материалами экспедиции с выходом этой книги, разумеется, не завершается. Наша коллективная монография — лишь определенный этап в изучении и анализе тех полевых записей, которые были сделаны в 2000 г. После той длительной работы в поле, продолжавшейся более двух месяцев, нам представилась великолепная возможность бывать на севере Германии и наблюдать процессы, происходящие в деревнях и городах. С того времени жизнь внесла существенные коррективы. Приведу лишь один пример. Германия, как деятельный и ключевой член Европейского Союза, перешла на евро. Это, казалось бы, технически-организационное мероприятие стало причиной коренной ломки сложившихся стереотипов и качества жизни людей, что в очередной раз подчеркнуло степень влияния наступающих глобализационных процессов. Немецкая глубинка все больше и больше становится втянутой в мировую экономику. И слияние с мировыми процессами не проходит мирно и гладко. Очень многие люди противятся нивелированию стереотипов и унификации культуры. На этом фоне возрождается интерес к истокам собственной этнической и локальной культуры, повышается уровень местного и национального самосознания. Как следствие, происходит откат у определенной части населения от «генеральной» линии развития общества потребления и услуг.

Человечество стоит на пороге новой революции — перехода от экономики услуг к экономике впечатлений. Накопленные знания о природе человека, его устремлениях и системе ценностей являются безусловным капиталом приходящей системы. И в этом плане опыт изучения традиционной культуры региона Северной Германии может стать очень ценным, так как нам удалось запечатлеть состояние перехода XX столетия в XXI век.

Предлагая на суд читателей нашу книгу, нельзя не выразить благодарность людям, без которых ее выход в свет, равно как и проведение и успешная работа самой экспедиции, были бы совершенно невозможны.

Во-первых, это коллектив нашего дорогого учреждения, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Благодаря поддержке наших коллег и самой возможности работать в столь славном научном и музейном учреждении мы смогли осуществить этот непростой проект.

Во-вторых, немецкие коллеги, представляющие различные научные и музейные организации Германии.

В-третьих, наши замечательные информанты, без терпения, усердия и щедрой безвозмездной помощи которых было бы невозможно само проведение нашей экспедиции. Как правило, это были замечательные люди, жизнь некоторых из них могла бы послужить сюжетом для захватывающего романа или, во всяком случае, нескудной повести.

В-четвертых, немецкие и наши российские дипломаты, которые внесли посильный вклад не только в силу своих должностных обязанностей, но и из большого желания помочь научному и музейному проекту, видя в нем исключительную значимость и перспективность.

В-пятых, наши учителя, которые смогли привить нам любовь не только к научным штудиям, но и к работе в поле, с простыми людьми. Они научили нас не только использовать их знания и опыт, получая нужную информацию, но и сопереживать, вникать в их трудности и откликаться как на радости, так и на горести и беды. Лишь в искреннем желании понять и принять любого информанта наши учителя видели цель работы ученого-полевика.

В-шестых, наши замечательные коллеги — ученые, профессионалы в различных областях, будь то архивное дело или теория костюма, фольклористика или литературоведение, археология или антропология. Представляя различные научные учреждения нашего отечества или зарубежья, они всегда готовы были поделиться своими знаниями, опытом и любыми сведениями, способными пролить свет на тот или иной неясный нам факт или явление.

В-седьмых, государственные, муниципальные и сельские служащие всех известных званий и санов. Мы благодарны чиновникам, которые выделили нам грант на проведение экспедиции и всячески старались помочь в ходе ее проведения. Это не только высокое начальство федеральных фондов и программ, но и бургомистры, директора департаментов и заведующие всевозможными отделами и подразделениями разных рангов земельного, районного и деревенского уровней, которые помогали, чем могли.

В-восьмых, служители культа. Особую благодарность хотелось бы высказать пасторам и духовным лицам, чей авторитет в Северной Германии

непререкаем и очевиден. Благодаря духовным пастырям наша работа с информантами была хорошо планируемой и эффективной.

В-девятых, представители прессы, как отечественной, так и немецкой. Все журналисты, как пишущие для прессы, так и работающие для радио и телевидения, оказали нам самую действенную помощь в распространении знаний о целях и задачах нашей работы. Без их бойкого пера и задушевных интонаций в радиоэфире наше общение с людьми и доступ к самым потаенным кладезям информации были бы не столь оперативны.

В-десятых, наши родные, близкие и друзья, которые помогали не только поддержкой духовной, выражавшейся в одобрении или критике наших идей и умозаключений, но и реальной, когда заходила речь об организации выставок, интервью, технической обработке и оцифровке материалов, помощи с транспортом и т.д.

Всем этим людям самая глубокая благодарность и признательность!

Александр Новик

***

Предвидя неизбежную критику в адрес авторов, осмелившихся опубликовать экспедиционные материалы в таком полном виде и с такой временной задержкой, хотелось бы привести существенные, на наш взгляд, оговорки.

Полевой экспедиционный материал можно зафиксировать и сохранить как минимум в трех видах. Во-первых, в электронных копиях рукописных полевых дневников и текстовых расшифровок аудиозаписей, оригиналы которых хранятся в архиве. Во-вторых, в содержательных отчетах, где полевой материал отреферирован и изложен в сжатом виде, без малозначительных подробностей. В-третьих, в виде опубликованных выдержек из отчетов. Нужно отметить, что как содержательный отчет, так и публикация — это некоторый анализ материала, который допускает комментарии, т.е. теоретические выводы. Научная статья, где используются как собственные, так и собранные другими учеными и почерпнутые из архивов полевые материалы, уже есть форма интерпретации походного материала.

В конце XIX — начале XX в. в российской этнографии архивировали полевые материалы в форме содержательных отчетов, а также публиковали сами материалы. На основе последних создавались научные исследования, либо они использовались для теоретических построений. Век двадцатый изменил отношение к источнику: приоритетным стал его анализ и теоретическая интерпретация. В результате масса архивных полевых материалов осталась неиспользованной.

Именно поэтому мы решили публиковать материалы для введения их в научный оборот. Они приведены практически без изменений, за исключением небольшой литературной обработки. В ходе экспедиции мне было удобнее вести записи на немецком языке, чтобы не задумываться над переводом тех или иных реалий. Чтобы облегчить читателю восприятие текста, при подготовке монографии дневники были переведены на русский язык.

Публикация всех собранных нами полевых материалов подобным образом в ближайшее время после окончания экспедиции была невозможна из-за большого объема. Помимо подготовки книги нужно было успеть в срок защитить диссертацию, а также осуществить необходимую рутинную работу по составлению отчетов для фонда ДФГ, переводу этих отчетов на немецкий язык; должным образом зарегистрировать, передать на ответственное хранение и подробно описать привезенные предметы и фотографии, упорядочить архив экспедиции. Самой долгой и нудной работой, выпавшей на мою долю, была расшифровка кассет с записями интервью: здесь частое использование нашими информантами нижненемецкого диалекта усложнялось еще и порой плохим качеством, а также нерегулируемой скоростью записи, которая случилась вследствие того, что у нас просто-напросто сели батарейки в диктофоне, и никто не заметил этого вовремя. Расшифровка аудиозаписей продлилась четыре года и в объеме составила 32 авторских листа! Вкупе с непредвиденными горестными событиями, уже упомянутыми Александром Новиком, эти обстоятельства затянули подготовку монографии на долгие восемь лет.

Поскольку в нашей стране этнографические экспедиции в Западную Европу редки, а наша экспедиция была уникальной, мы сочли необходимым опубликовать в несокращенном виде тексты полевых дневников всех участников. Часто в ходе работы с одним информантом запись производилась всеми тремя собирателями, и каждый вносил в нее разные детали: мы с Александром Сергеевичем фиксировали важные моменты беседы, и в этом смысле дублировали аудиозапись, Александр Александрович составлял подробнейшую опись того, что мы видели глазами — интерьер, внешность, одежду, посуду и т.п. При этом А.С. Мыльников делал акцент в записи на родословной и происхождении, на моментах, связанных с самосознанием, историей региона или же хозяйственно-учетной стороной, я — на календарной и семейной обрядности. Чтобы читатель мог сопоставить эти записи с аутентичным источником — аудиозаписью интервью — мы сочли нужным также привести полные расшифровки аудиозаписей. Поэтому материал в монографии концентрируется вокруг одного дня и информантов, с которыми в этот день работали собиратели.

Для удобства пользования материалом текстовые расшифровки аудиозаписей помещены не в Приложениях, а сразу после полевых заметок со-

ответствующего дня. Мы надеемся, что таким образом нам удалось максимально избежать огромного количества ссылок и «технологической» перегрузки текста номерами интервью и страниц.

Общение с информантами во время экспедиции происходило на верхненемецком литературном языке, частично на нижненемецком диалекте, поэтому все аудиозаписи и их текстовые расшифровки в целях сохранения аутентичности источника приведены авторами на языке оригинала и не переводились на русский.

В Приложения вынесены полные описания фото- и видеоматериала, а также вещевой коллекции, привезенной из экспедиции. Кроме того, мы сочли уместным опубликовать только небольшую часть фотографий, которые максимально освещают все рабочие моменты экспедиции. Основной массив фотографий приложен на DVD.

Все материалы, собранные в ходе экспедиции, составляют ныне коллекции фонда Европы Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (вещевая коллекция № 7182, иллюстративная коллекция № И-2197, аудиокolleкция № А-2, видеокolleкция № В-1); дневники участников экспедиции в рукописном виде хранятся в архиве МАЭ РАН (Иванова Ю.В. Мекленбург — Вендланд 2000. Полевой дневник. Архив МАЭ РАН, К-1. Оп. 2. № 1730; Новик А.А. Экспедиция в Мекленбург и Ганноверский Вендланд. Архив МАЭ РАН, К-1. Оп. 2. Мыльников А.С. Домашний архив С.А. Мыльникова).

Юлия Иванова-Бучатская